

П

асмурное зимнее небо растворило горизонт, и не понять, что впереди: бугор или лощина. Поле во все стороны чистое-чистое, белое-белое. На этой ровной, без бликов и теней белизне, наверное, можно мышонка за версту рассмотреть. Но мышонку тут делать нечего, а черной птице, которая стоит вдали на снегу, видимо, что-то нужно. Контраст черного и белого настолько велик, что расстояние не скрывает ее внушительных размеров, да и сравнить поблизости не с чем. На голой равнине так бывает нередко: маленький кустик кажется большим кустом, почти деревом. Но птица действительно крупна. Это не какой-то одинокий, отставший от своих грач, а сам ворон. Воображение сразу рисует мрачную картину: ведь не будет же просто так сидеть в чистом поле глава всего вороньего рода, если нет там печальной жертвы стихии, заметенной снегом.

Мороз нешуточный, а ворон стоит хоть бы что, не нахохлившись, не встопорщив перо. Всегда он такой: подобранный, ладный, крепкий, будто по званию и выправка. От ветра, от непогоды не прячется. Ни одного пятнышка иного цвета в его оперении, кроме черного, во все времена года, в любом возрасте, до глубокой старости. Солидность у него во всем: в поведении, облике, голосе. Он никогда не орет заполошно, как ворона, в любой ситуации — все вполголоса. Но и эти полголоса слышны далеко, даже когда самого не видно в поднебесье.

Зима и через месяц после солнцеворота еще единовластно правит на степных просторах Русской равнины, но бывают у нее и другие дни, когда одевшиеся за ночь в пустую изморозь деревья, кусты и травинки кажутся самыми совершенными творениями природы. Солнце после восхода еще долго висит светлым шаром в легком тумане, а поднявшись выше, рисует четкими тенями цепочки листьев следов и потихоньку стряхивает с проводов, ветвей, бурьяна белые кружева. Кормится на кустиках сухой полыни стайка чечеток, то и дело взлетая и опускаясь на то же место. Вокруг никого, но будто что-то беспокоит маленьких птиц, и едва вспорхнули в который уже раз, как с недоступной высоты раздался четкий окрик ворона — словно приказ, чтобы сидели тихо. А после этого гортанного круканья в холодной синеве возник новый звук: положив концы почти сложенных крыльев на хвост и став похожими на притупленные наконечники гигантских стрел, повернутые против движения, два ворона с шипящим свистом неслись рядом, стремительно приближаясь к земле. Но метров за пятьдесят до нее оба, как по команде, развернули сильные крылья и стали неторопливо по спирали набирать потерянную высоту, перекликаясь негромко, будто переговариваясь.

Еще невелика у дня прибавка светлого времени, но воронам и этого достаточно, чтобы заметить поворот к весне, чтобы овладело строгими птицами то настроение, которое придет к остальным лишь с настоящими весенними переменами. И пара отдилась тем же воздушным играм, какими отмечала свою первую встречу, став неразлучной птичей семьей.

Ворон — птица больших пространств, превосходный, неутомимый летун. У него такая же власть над высотой, как у орла, а может быть, даже большая. Широкие и длинные, сильные крылья одинаково хорошо приспособлены к полету в различных режимах. Ворон может и махать ими десятки километров, не присаживаясь для отдыха, и парить на них в воздушных вихрях и восходящих токах, набирая без единого взмаха любую высоту, и лететь против свежего ветра. В тихом морозном воздухе по звуку ощущаешь силу взмахов его крыльев. Их слышно даже в лесу сквозь слабый осенний шум, когда облетают вороны в поисках свежей поживы места ночных оленьих ристалищ.

Летом я не раз любовался, как вся семья — родители и пятерка молодых — уходила в горячий полдень кругами вверх и, ни разу не шевельнув крыльями, исчезала где-то между кипящих облаков. И там начиналась игра. Две птицы рядом по-соколиному неслись вниз, одновременно взмывали, гася скорость, и падали снова, а чуть в стороне, как учитель, летела третья. Негромкая команда, а может быть, одобрение или замечание, — и новый каскад фигур несложного пилотажа. Только никак не удавалось связать, стоя внизу, эти сигналы и движение, потому что, пока долетал звук до земли, изменялись и направление, и скорость, и построение.

Зимой нет восходящих токов воздуха, и набрать без них большую высоту труднее; но подниматься надо, и не только для игры, а и для того, чтобы осмотреть как можно большую территорию. В ветреные дни ворон набирает высоту тем же приемом, которым пользуются канюк и ястреб-тетеревятник, то есть простым планированием по наклонной спирали, с каждым витком немного удаляясь от цели полета, но зато используя запас скорости на разгоне для подъема. Скользя под ветер, птица круто разворачивается, и поток воздуха подбрасывает ее на несколько метров вверх. А поднявшись на нужную высоту, ворон подтягивает крылья к корпусу и несется несколько сот метров против ветра. Снизившись, повторяет тот же маневр, пока не достигнет цели.

Некоторые птицы на лету могут переворачиваться спиной вниз и в таком положении продолжать полет, махая крыльями в том же ритме, будто земное тяготение для них внезапно заменилось на отталкивающую силу. Один из немногих асов такого полета — ворон. Дважды я был очевидцем этого удивительного зрелища, и оба раза

взрослый ворон демонстрировал свое мастерство... при бегстве. Сводя какие-то серые счеты, пара ворон напала в чистом поле на одинокого ворона и гнала его вдоль дороги километра четыре. Как только одна из наседавших сверху ворон готовилась нанести удар, ворон переворачивался и выставлял ей навстречу сильные лапы с растопыренными пальцами. Встречая такую оборону, обе преследовательницы немного отставали, ворон принимал нормальное положение, но оторваться от ворон ему никак не удавалось, и он переворачивался еще несколько раз, пока внезапно не повернулся в сторону заросшей лесом глубокой балки. Тем же приемом другой ворон отбился от ястреба-тетеревятника, случайно залетев на его участок: сильный хищник отпрянул, увидев перед собой когти ворона. Стало быть, сила этого оружия известна не только зайчатам.

Ненависть у ворона и вороны взаимна, но у вороны она, пожалуй, сильнее, ибо она не может отплатить равнозначно за разоренные гнезда. Разбой этот совершается не тайком, а на глазах, силой. 17 апреля 1971 года в Воронежском заповеднике я наблюдал налет бродячей стаи холостых воронов на гнездо ворон.

То спокойное, солнечное утро было праздником для всего Усманского бора и его обитателей. Раскрылись на полянах тысячи бутонов сон-травы. После легкого ночного морозца еще гуще стала синь подснежников. Старая, первобытная дубрава у Придорожного кордона гудела от раскатистой дроби барабанщиков-дятлов. А над нестройным птичьим хором властвовали журавлиные трубы. Безмятежно начинался этот день и для пары ворон, построивших гнездо на дубе у крыльца кордона. Повсюду объявленные вне закона, черно-серые грабительницы находились здесь под его охраной наравне со всеми, кто жил в заповедном лесу, но это, конечно, не прибавило им благонамеренности в отношениях с близкими и дальними соседями. Благополучие вороньей семьи и здесь строилось на трагедиях сотен мирных птиц. Помешать ей в этом было нечем, да и нельзя.

Однако судьба этой пары и еще нескольких, построившихся у реки, была предрешена именно в это райское утро. Солнце уже пригрело землю, и за лесом небо стало белеть от дымки, которая поднималась с теплых полей. И когда чисто-голубым небо оставалось только над головой, в нем невесть откуда неожиданно появились черные птицы: широкими кругами, без какого-либо строя и порядка над лесом парили сорок шесть воронов. Они никуда не спешили. В гнездах их родителей и соплеменников уже подрастало новое поколение, начинавшее пробовать крылья. И кочевая ватага холостяков летела, чтобы посмотреть на новые земли, разведать, где лучше живется, где кому оставаться на следующую зиму.

Но сейчас казалось, будто ничто земное не привлекало и не интересовало эту стаю, ибо, долетев до широкой поляны и поймав крыльями нагретый над ней ток теплого воздуха, она стала подниматься пологими витками вверх. В ее кружении не было ничего зловещего. Наоборот, оно восхищало. Лет за двадцать до этого утра я видел в приаральской пустыне ранней весной стаю орлов в таком же полете и не мог отвести от нее взгляд, пока огромные птицы не растворились вдали. Ворон — не орел, но стая производила то же впечатление, и я, не отводя взгляда, смотрел, как большие, с метровым размахом крыльев, птицы превращались на полуторакилометровой высоте в черных пташек, готовых вот-вот растаять в густевшей дымке, и, может быть, поэтому не обратил внимания на действия самца из вороньей пары.

Он заметил и узнал своих врагов раньше меня. Ему бы пропустить эту шайку, не выдавая себя. Но в это утро, видно, его так распирала собственная отвага, что, глядя на поднимавшихся воронов, он бросился на них, чтобы отогнать подальше. А те, не обращая внимания на его дерзость, молчаливо и спокойно легко уходили вверх.

Но внезапно от этого кружила отделились два маленьких силуэта, потом еще два, еще, еще... и к земле в парном пикировании понеслись все сорок шесть воронов. Словно говорившись, они выбрали мишенью для какой-то неразгаданной игры воронье

гнездо. Обрывая пикирование у вершин дубов, пара за парой взмывала вверх. Может быть, этим озорством все и закончилось бы, если бы ворона-самка не допустила тактической ошибки. Она оставила гнездо, чтобы помочь обезумевшему от злости и отчаяния самцу.

За несколько секунд в ее гнезде не осталось ни одного яйца. Вороны выхватывали их на лету, не становясь на помост, и, кажется, на лету проглатывали, выплевывая скорлупки. Это была не игра, не развлечение, а согласованные действия единой стаи, которая и не собиралась улетать, пока не завершила ограбление семьи «сородичей». Один на один или пара на пару ворон, конечно, не отбьется от разозленной вороньи и обратится в бегство. Но против стаи хозяева были бессильны и не могли помешать врагам в том деле, которым грешат в птичьем мире сами.

В мае, когда у ворон в гнездах подрастают птенцы, они житья не дают ворону, не позволяя ему ни свободно охотиться, ни разбойничать, и ворона только высота спасает. В чистом поле одна ворона может посадить на землю и держать сколько угодно долго, пока ей кто-нибудь не помешает, пару воронов. Усевшись на высоком омете, столбе или дереве, она не дает им взлететь, потому что у ворона в воздухе все-таки есть преимущество. Хорошо, что у других ворон в эти дни в гнездах птенцы, и они не полетят со своих участков на самый отчаянный призыв соседей, а то бы ворону привлекло совсем туда.

Так что ворон и ворона — извечные враги. Ворону, залетевшему с голоду на свалку, кусочка не удается схватить. Гонит его воронье, как отверженного.

А вот с другой родней, с грачами, ворон может жить бок о бок, в ладу и мире, гнездясь, пусть изредка, прямо в их колониях. В иные весны в степных грачевниках к прилету грачей у ворона в гнезде уже есть птенцы. И настолько мирно уживаются эти птицы, что жизнь семьи воронов в колонии бывает спокойнее, чем жизнь отдельно живущих пар. И гнездо их ничем не отличается от старых грачевых построек пудового веса (возможно, что вороны пользуются трудами родственников). И сами они не выделяются в общей массе таких же черноперых птиц, и голоса их теряются в беспрерывном грачином гаме. Главное условие такого мира, наверное, в том, что не заглядывает ворон в грачные гнезда даже тогда, когда есть у него возможность сделать это незаметно и безнаказанно. У него хватает сообразительности не раздражать соседей в то время, когда спокойствие необходимо в собственной семье.

Самец и самка одной пары верны друг другу и месту, где поселились, всю жизнь, и если их первое гнездо цело, они выводят птенцов из года в год только в нем, делая основательной постройке лишь небольшой ремонт в середине зимы.

Испокон веков там, где есть лес, селились семьи воронов на крепких дубах, соснах, осокорях, в безлесных местах — на обрывах и скалах. Сейчас, когда в полях и лесах расставлены сотни тысяч столбов и мачт высоковольтных линий, вороны стали москиты гнезда на переплетениях креплений и растяжек: ветром не свалит, снизу никто не взберется. Зато открыто оно всем стихиям. Снеся первое яйцо, самка уже не вольна покинуть гнездо даже на несколько минут. Морозы последней недели февраля, мартовские метели, гололеды и холодные дожди могут мгновенно оставить яйца, погубив под их скорлупой начинающуюся жизнь.

Воронята появляются на свет с теми же промежутками во времени, с которыми были отложены яйца, или даже с большими. Так что последний иногда выплывается, когда первому уже неделя и даже полторы. А это в птичьей жизни много: разница в росте может быть двойной и даже тройной. Но еще до того, как воронята начнут пробовать крылья, она исчезнет, и на глаз не определить, кто в выводке старший, кто младший. Ходят такие по решетчатой опоре, как матросы по реям, осматривая степь почти с высоты птичьего полета.

Поздней осенью распадаются семьи воронов. Один из птенцов иногда остается с родителями, а остальные собираются в стаи и ведут кочевую жизнь в течение полуто-

ра лет. Это единая стая осторожных и умных птиц, не допускающих никаких оплошностей. Пролетая на огромной высоте, они сверху видят обстановку и опускаются в самых безлюдных местах на охоту или кормежку — ловить сусликов в степи или вырвать потерянные на полевой дороге кукурузные початки. И даже в заповедниках эти умные птицы не становятся доверчивее.

Зима для ворона короче, чем для других домоседов. Он первый, не принимая всерьез злые февральские метели, опережая даже филина, приступает к гнездованию. Корма в конце зимы ворону всегда хватает: то олени замерзнут в глубоком снегу, то кабан, то лось раненый оклеет — мало ли зверя за зиму гибнет, какой бы она ни была. Ворон всеяден, но всему предпочитает живую добычу, свежую, свою или убитую кем-то другим. В пору золотой осени, в разгар оленых турнирных боев, ранним утром каждого дня вороны прежде всего облетают лесные урочища в надежде найти еще не остывший труп неудачника-рогача. Зимой взрослых зайцев убивают, весной и летом — зайчат.

В голосе ворона какая-то особая солидность. Его крик нельзя назвать карканьем, ибо в нем отчетливо слышится «у». Звуковые сигналы разнообразны, порой понятны даже их интонации, а через них и эмоции птиц. То это громкое, гортанное круканье, то короткий, словно бычий, «мык», то резкий, как гонг, удар, то похожий на орлиный клекот. Одиночки в полете молчат редко. Пара «переговаривается» всегда, как бы обсуждая, советуясь или вспоминая. «Крук-крук-крук», — грубовато произносит самец, и самка откликается следом: «крок-крок-крок». Так в семье, а в стае птицы довольно молчаливы. Утром окликнут своих, потому что ночевали все порознь, а весь день как немые.

Пересмешничеством вороны не занимаются, но, живя в клетках или вольерах, могут, развлекаясь, весь день истязать слух блеянием козленка, отлученного от матери, или отвратительным звуком выдираемого из сухого дерева ржавого гвоздя. Могут весь день кричать пролетающим мимо грачам по-грачиному, воронам — по-вороньи. Крик этот столь натурален, что не все вороны принимают его за подделку.

С вороном связаны древние поверья. Каких только былей и небылиц, наивных и зловещих, о нем не знает молва, какие только качества ему не приписываются. Таинствен, умен, понятлив, смел, осторожен и независим, молчалив, но не безмолвен, строг, силен, но не драчлив, и поговорка «Ворон ворону глаз не выклюет» совсем не иносказательна. Голос его, как понятный разговор, как заклинание. В темном наряде ни пятнышка: черен с отливом до последнего перышка, до кончиков когтей, и даже его научное название *Corvuscorax* — без всяких эпитетов и составлено из латинского и греческого слов, каждое из которых означает «ворон»...

Я все-таки не поленился и побрел к тому месту, где стояла на снегу черная птица. Не было там торчащих из-под снега обглоданных костей, не было клочьев шерсти. Был маленький кусочек кукурузного початка без зерен. А ворон, уже не один, а в паре, летел далеко. Поземка стерла границу между землей и небом, скрыла дальнюю черноту леса. Начиналась метель. Ей навстречу улетели оба ворона. А вокруг стало еще пустьиннее перед наступавшей стихией.